

УДК 398.88:37.017.92

ОТРАЖЕНИЕ КУЛЬТУРНЫХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ СТАРООБРЯДЦЕВ В МУЗЫКАЛЬНО-ТЕОРЕТИЧЕСКИХ РУКОВОДСТВАХ (НА ПРИМЕРЕ РАЗДЕЛОВ ПРОУЧЕК)

Е.Л. ПЛАВСКАЯ*Новосибирский
государственный
технический
университет**e-mail: plav@inbox.ru*

Статья посвящена музыкально-теоретическим руководствам (певческим азбукам) старообрядческого периода – письменным памятникам традиционной древнерусской культуры, в которых отразились духовные основания православия. Содержание разделов певческих азбук свидетельствует о том, что музыкально-теоретические представления старообрядцев развивались в русле философско-религиозных, нравственных и эстетических установок носителей традиции. Так, разделы учебных упражнений – проучки – демонстрируют основной спектр культурных представлений, характерных для древнерусского православного сознания.

Ключевые слова: традиционная древнерусская культура, духовные основания православия, музыкальное образование старообрядцев, певческие азбуки, проучки.

Музыкально-теоретические руководства старообрядческого периода предоставляют уникальную возможность знакомства, как с теоретическими положениями древнерусского певческого искусства, так и с особенностями их культурного осмысления. При этом следует учитывать содержательную многоаспектность азбук. С одной стороны, они являются сводом различных компонентов теории знаменного пения. С этой точки зрения назначение певческой азбуки заключается в характеристике элементов музыкально-теоретической системы и их упорядочении. Такой ракурс рассмотрения теоретического руководства демонстрирует его функцию как учебно-справочного пособия.

С другой стороны, в музыкально-теоретических руководствах отразились характерные особенности православного мировоззрения их составителей. Певческие азбуки свидетельствуют о том, что музыкально-теоретические представления старообрядцев развивались в общем русле культурных, философско-религиозных, нравственных и эстетических установок носителей традиции. В этом смысле музыкально-теоретические руководства могут рассматриваться как памятники духовного постижения действительности наряду с учительной и полемической литературой староверов. Следует подчеркнуть, что изначально культовое назначение древнерусского певческого искусства сформировало его в религиозно-символическом русле, где роль пения состояла в прославлении божественного начала. Категория «божественного» является одной из основных и в певческой теории старообрядческого периода.

В данной статье теоретические положения музыкально-теоретических руководств рассматриваются с позиций их бытования в пространстве христианской культуры.

Обозначим характерные особенности культурных представлений носителей традиции, отразившиеся в теоретических руководствах по знаменному распеву. С самого момента зарождения музыкальной теории в Древней Руси она была неразрывно связана с традициями православия. Философско-религиозные, нравственные и эстетические аспекты содержания музыкально-теоретических руководств старообрядческого периода находятся в русле традиционных миропредставлений человека эпохи средневековья.

При этом одной из характерных черт православного сознания является твердая убежденность человека в божественной предопределенности происходящего и в необходимости смирения. Действительно, нравственные установки в представлении средневекового человека занимали ведущее положение. Оно оказывало влияние на все стороны человеческой жизни, определяя специфику познания. Этим объясняется значительный

акцент в философско-религиозной системе православия на морально-этическую составляющую, которая занимает важнейшее место и в певческой теории как древнерусского, так и впоследствии старообрядческого периода.

В то же время возникшую в период XI–XV вв. музыкально-эстетическую мысль можно определить как религиозно-символическую, поскольку «эстетическое отношение к миру выступает как момент религиозного»¹. Так, например, выдающийся религиозный деятель средневековой Руси Кирилл Туровский утверждал, что такое проявление прекрасного, как «мысленного» возможно лишь при условии наличия у человека знаний и стремления к ним: «Мысль, движимая любовью, становится силою *разума*, прилепляется к познаваемому предмету и дает *настоящее знание*»². Таким образом, прекрасное всегда «мысленно»; отсутствие же знаний у человека, пренебрежение к развитию собственных способностей является препятствием для осознания подлинной красоты мира.

Исследователями неоднократно отмечалась роль приема символизации как способа познания действительности средневековым человеком. Так, по мнению М.Н. Громова, символизация при этом выступает «как своеобразный заместитель теоретического научного метода познания, позволяющего видеть за внешними эмпирическими проявлениями бытия его внутренний, умопостигаемый смысл, видимый лишь «очами духовными»»³.

Для того чтобы понять особенности традиционного отношения к вопросам обучения вообще и музыкального в частности, обратимся к произведениям древнерусской книжности. Например, известный законодательный свод XVI в. «Стоглав» рекомендует учителям «учеников же бы есте своих во с(вя)тых ц(е)рквах Б(о)жих наказывали и учили страху Б(о)жию и всякому бл(а)гочестию, псалмопению и чтению, и петию, и канарханию по ц(е)рковному чину»⁴.

В другом памятнике эпохи средневековой Руси, «Домострое», затрагивающем многие нравственные и эстетические стороны жизни традиционного общества, даются следующие наставления в отношении того, «како любити Бога оть всея душа; также брата своего; и страхъ Божий имети, и память смертную. – По сем же возлюбиши Господа Бога твоего оть всея душа своя, и оть всея крепости своя, и подвигни вся твоя дела и обычая и нравы, – угодная творити по заповеди Его. <...> Страхъ божий всегда имей въ сердце своем и память смертную: всегда волю Божию творити и по заповедемъ его ходи. Рече Господь: въ чемъ ты застану, въ томъ и сужу: ино достоинъ всякому христианину готову быти въ добрыхъ делехъ, въ чистоте и въ покаянии, и во всякомъ исповедании, всегда чающе часа смертнаго»⁵.

Понимание старообрядцами важнейших гносеологических проблем находится в русле традиций православной культуры. По мнению М.О. Шахова, как в ортодоксальной, так и в старообрядческой среде мерой авторитета является праведность и святость, а «претензия на обладание новым, высшим знанием логически оказывается и претензией на собственную особую близость к Богу, на личное духовное превосходство»⁶.

Старообрядческие теоретические руководства знаменного пения демонстрируют подобное понимание действительности. Перед тем как рассмотреть азбуки с точки зрения религиозно-символического, нравственного и эстетического содержания компонентов музыкальной теории, представляется целесообразным обозначить те разделы азбук, где содержатся соответствующие воззрения носителей традиции. Это текстовые фрагменты, предисловия и послесловия, в которых изложены культурные установки составителей руководств. Ту же функцию выполняют разделы «перечисления» знамен, включающие метафорическую трактовку последних. Одним из важнейших типов разделов являются части азбук дидактической направленности: проучки и памятогласия, тексты которых,

¹ Селиванов Б.В. Музыкальная эстетика средневековой Руси: Учебное пособие. – Новосибирск, 1988. – С. 17.

² История русской музыки. В 10 тт. Т. 1: Древняя Русь XI–XVII вв. – М., 1983. – С. 58.

³ Громов М.Н. О своеобразии русской средневековой философии // Философские науки. – 1990. – № 11. – С. 49.

⁴ Емченко Е.П. Стоглав: Исследование и текст. – М., 2000. – С. 286–287.

⁵ Домострой Сильвестровского извода. – Киев, 1992. (Репринтное воспроизведение издания 1902 г.). – С. 7.

⁶ Шахов М.О. Философские аспекты староверия. – М., 1998. – С. 133.

как правило, носят нравственно-поучительный характер. Последние два типа разделов помимо текста содержат и крюковую нотацию.

Отношение к действительности с позиций традиционных религиозных представлений обнаруживается в *проучках* на молитвенные тексты, использовавшихся для изучения осмогласия. Будучи по своей сути учебными упражнениями, направленными на первоначальное освоение важнейших компонентов знаменного распева (обиходного звуко-ряда, системы осмогласия и др.), проучки выходят за рамки собственно учебных целей, демонстрируя основной спектр культурных представлений средневекового человека. Наряду с решением специальных задач, такие проучки свидетельствуют, что «возвышенная мудрость возможна лишь при осознании собственной малости перед лицом бесконечности мироздания»⁷.

Одним из самых распространенных текстов, использующихся в проучках подобного рода, является канонический текст так называемой «Молитвы Иисусовой» [I, л. 2–2 об.; II, л. 27 об.–28; III, л. 21–22; IV, л. 4–5; V, л. 2]. История возникновения этого текста восходит к эпохе первоначального христианства, в России же практика чтения данной молитвы, идущая от древних традиций исихазма, была возрождена святителем Тихоном Задонским (1724–1782) и старцем-подвижником Паисием Величковским (1722–1794). Как отмечают исследователи, суть этой молитвы «заключается в непрестанной внутренней памяти о Господе Иисусе Христе и в призывании его святого имени»⁸.

Действительно, тексты молитв, использующихся в музыкально-теоретических руководствах, изобилуют обращениями к милости Божией. После просьбы о помиловании, открывающей Иисусову молитву, следует обращение к Богу о даровании учащемуся «света оучения пения» [VI, л. 1; IV, л. 4; V, л. 2 об.]. Интересно, что этот свет полагалось воспринимать «очами сердечными» [I, л. 2]. Но даже он не способен помочь избежать смертного часа, перед которым все равны – будь то царь, князь, боярин или певец – любой из них трепещет в ожидании «страшного дня суднаго» [IV, л. 4]. Подобное «смирennemудрие» признавалось жизненно необходимым как средство укрощения одного из смертных грехов – гордыни.

Особо стоит отметить акцентирование в молитве роли знаменного пения как способа постижения божественной сущности: по мнению авторов-составителей, овладение искусством знаменного пения очищает душу: «На тя оуповаю б(о)же мой, да ты ми просвети оумъ и смыслъ светомъ разума твоего, не токмо зрети где, писанная, но по твоему дарованию воспевати и славити тя» [I, л. 2 об.].

Нередко упоминается в молитвах и сама азбука, которая характеризуется как «бл(а)гословнейшая книжица» [I, л. 2], внимать которой полагается «со смирениемъ» и «въ сокрушении сердечномъ» [I, л. 2] в надежде, что Бог ниспошлет на ученика «премудрость».

Подобное отношение к действительности находится в рамках православного аскетизма, сущность которого довольно точно определил В.В. Зеньковский. По его мнению, смысл русского аскетизма заключается не в отвержении мира и умерщвлении плоти, а в стремлении к достижению небесной правды и красоты. Ее видение «своим сиянием делает неотразимо яркой неправду, царящую в мире, и тем самым зовет нас к освобождению от плена мира»⁹.

Понимание аскетизма как способа приближения к Богу можно обнаружить в философских трудах древнерусских мыслителей. Особо ярко его основные черты отражены в творениях Нила Сорского. По мнению мыслителя, формального следования законам аскетизма недостаточно для истинного христианина. Если человек просто принуждает себя исполнять требования монашеской жизни, он неизбежно будет чувствовать неудов-

⁷ Громов М.Н. О своеобразии русской средневековой философии // Философские науки. – 1990. – № 11. – С. 50.

⁸ Никитин В. Русское благочестие и святость (Малая церковь. Настольная книга прихожанина). – М., 1992. – С. 112.

⁹ Зеньковский В.В. История русской философии. – Ростов н/Д., 2004. – С. 42.

летворенность. Однако если он осознает высший смысл аскетической жизни, это послужит средством достижения духовной гармонии, что и является высшей значимостью¹⁰.

Тексты проучек певческих азбук содержат еще один важный аспект, характеризующий особенности мировоззрения древнерусских мыслителей – роль обучения в деле достижения божественной благодати. Речь идет об акростихе на текст Тихона Макарьевского «Трудолюбивы о Бозе песнорачителю». В азбуках ему часто предшествует заголовок «Стихи мастеротворчески къ полезному оустроению сиречь учитель предлагает оученикомъ таже хотящимъ внятно прияти святое пение на осмь гласовъ» [VII, л. 58–62 об.; VIII, л. 171; V, л. 5 об.–11 об.].

Основной мыслью текста данного вида проучек становится постулат о неразрывной связи веры и разума. По мнению составителей текста, «елико ты тщание о семъ делании покажешь мнози и разумъ отъ сего дела себе стяжешь» [V, л. 7 об.–8]. Способность человека к пению рассматривается как дар Божий, который дается человеку по его вере: «Молитвами о пении и высшему простирайся о получении иже сего таланта не осумнейся нелишился сего его же себе желаешь аще ли веру во всемъ на бога уповаешь» [V, л. 8–8 об.].

При этом певческий талант накладывает на человека и определенные обязательства. Так, следует придерживаться «добродетельного жития»: «Леность отъ себя отложи языкъ свой отъ всяка зла удержи» [V, л. 7–7 об.], необходимо хранить свое тело «твердо» от всяких страстей, а иной радости, кроме пения, не желать. Особое внимание уделяется необходимости «оусердной» работы: «Разумно о бозе пети всегда тщися и оумомъ своимъ внимати пению не ленися» [V, л. 10 об.]. Действительно, «и воспитание разума, и его достойное применение постоянно сохраняют значение атрибутов прекрасного в эстетических воззрениях Древней Руси»¹¹.

Поскольку пение понимается как средство прославления Бога, оно должно быть доступно многим людям. Отсюда призыв к песнорачителю «хотящимъ пети разумъ свой открывать». В то же время важно избежать таких грехов, как зависть («Тмою зависти таланта своего не покрывай») [V, л. 10] и гордыня («Ненавистныя же Богом гордыни зело блюдися») [V, л. 9 об.]. Данный морально-этический аспект акростиха тесно переплетается с постулатом учения Кирилла Туровского о душевной ясности и чистоте как необходимой подготовке человека к восприятию и пониманию прекрасного.

Рассмотренную группу проучек объединяет то, что во всех них освещается тема пения. Реже встречаются примеры проучек, в текстах которых излагаются культурные установки жизни человека в целом, безотносительно темы пения.

Такого рода проучку находим в азбуке [IX]. Она построена в форме одиннадцати так называемых «наказаний», каждое из которых содержит предписания правильного поведения. С темой пения их объединяет тот факт, что она адресована учащимся, а также текст первого «наказания»: «О(те)ць с(ы)ну наказуеть оучись мое мило чадо пению». Дальнейшие предписания выдержаны в духе этических наставлений:

«Второе наказание.

Оувеселение есть юноши *премудрость*

Третье наказание.

Въ ней же пребывающа не приметъ *скучность*

Четвертое наказание.

Смирение юннаго вельми оукрашаетъ

Пятое наказание.

Чистота въ премудрости зело позлащаетъ

Шестое наказание.

Оудобрить любому дражитие *покорно*

Седмое наказание.

Егда пребываетъ той *въ любви* не зазорно

Осмое наказание.

¹⁰ См. Шохин К.В. Очерк истории развития эстетической мысли в России (Древнерусская эстетика XI–XVII вв.). – М., 1963. – С. 46–52.

¹¹ Там же. – С.46.

Беда велика юнымъ своя ихъ темъ воля
 Девятое наказание.
 Откуда приходите имъ зазорна неволя
 Десятое наказание.
 Добро есть оучащимся *страхъ божий имети*
 Первое на десять наказание.

Оумъ и руже въ молитве ко богу воздети» (курсив наш – Е. П.) [IX, л. 36–37].

Подобные назидания явственно перекликаются с содержанием многих известных памятников древнерусской письменности. Например, «Поучение Ксенофонта» отражает важнейшие морально-этические представления древнерусского общества¹². Интересно, что по структуре оно весьма напоминает приведенный азбучный фрагмент, поскольку построено в форме пронумерованных тезисов. Очевидно, что данные разделы как музыкально-теоретических руководств, так и литературных произведений следуют некоему канону, устойчиво закрепившемуся в традиционной письменной культуре. Приведем пример из «Поучения»:

1. «1. Азь чяде рекоу вама: чловеця жития отити хошту: Веста бо, како въ житии семь жихъ безлоуки, како отъ всьехъ чьстьнь бехъ и любимъ – не сана ради велика, нъ норовьмъ великимъ.

2. Не оукорихъ никого же, не вередихъ, и никого же не оклеветахъ, ни завидехъ никому же.

3. Ни разгневахъ ни накого же, ни на мала, ни на велика.

4. Не оставихъ ц(е)ркве Божия вечеръ, ни заоутра, ни полоудне.

5. Ни презрехъ ништиихъ, ни оставихъ страньна, и печальна нипрезрехъ никогда же въ тьмьницахъ заключении, потребная имъ деяхъ, ниже въ пленьницехъ избавихъ.

6. Не помыслихъ на доброту чюжую <...>

7. Тако и вы живете, чада мои, да и ваю Богъ оублажить и длъголетно жить и творить»¹³.

Другим примером проочки, не обращающейся к теме пения, является широко употребляемые в старообрядческой музыкальной теории памятогласие «Грядетъ чернецъ из монастыря» [II, л. 44–45; X, л. 44; IX, л. 38 об.–39 об.]. Их основная тема – отношение сына к матери: идущий домой из монастыря чернец узнает о ее смерти и горько сожалеет об этом.

Итак, «знание о знаменном пении с самых «азов» прививалось как духовно-осознанное и проникнутое идеей «откровения» высшего разума»¹⁴. Эти мотивы еще более ясно обозначены в разделах азбук, озаглавленных как «Стихи на осмь гласовъ къ познанию оученикомъ» [I, л. 10 об.–15 об.; II, л. 30 об.–40 об.; IV, л. 5 об.–12 об.].

Особое внимание обращает на себя акцентирование автором-составителем собственной «незначительности» перед лицом Господа. Признавая свое «неразумие», восклицая «горе мне, окаянному и ленивому» [IV, л. 8 об.], он просит Бога «воздвигнути на святое славословие» [IV, л. 6 об.]. По мнению Б.В. Селиванова, в подобных высказываниях наряду с этическим заложен также эстетический аспект: «Преодоление темных страстей, отрицательных депрессивных эмоциональных состояний достигается посредством соприкосновения человека с **искусством**»¹⁵.

Именно пение, по мнению составителей азбук, способно пробудить в человеке способности к праведной жизни. И напротив, погрязание в грехах, забвение христианской морали препятствует добродетельному житию: «Боже въ помощь мою вонми мое неразумие и приими плачь горький и подаждь ми оулучити еже начинаю окаянны и не смею гласомъ воздвигнути, но вопию всегда боже помилуй мя» [I, л. 11]. Обретение уче-

¹² Домострой Сильвестровского извода. – Киев, 1992. (Репринтное воспроизведение издания 1902 г.). – С. 105–106.

¹³ Там же. – С. 105.

¹⁴ Денисова Н.Е. Певческие азбуки старообрядцев Урала XVIII–XX вв.: автореф. дис. ... канд. искусств. – СПб., 1999. – С. 24.

¹⁵ Селиванов Б.В. Музыкальная эстетика средневековой Руси: Учебное пособие. – Новосибирск, 1988. С. – 53.

ником божественной благодати, достигаемое неустанными молитвами, приводит к овладению мастерством знаменного пения: «<...> очи оутверзаю, разумъ преклоняю, оуста оутверзаю и сладостень гласъ испущаю» [II, л. 33–33 об.].

«Святое славословие» призвано «просветить оумъ нашъ и очи сердечни» [V, л. 7 об.], а также «оустремить насъ къ *познанию* своего святого пения всемъ любящимъ того во оутешение и сладость» (курсив наш – Е. П.) [XI, л. 8]. Пребывание же в неразумии, по мнению автора-составителя, оскверняет душу (см. [II, л. 39 об.]). Приведенные примеры раскрывают представления людей традиционного общества о том, что «гармоническая завершенность облика человека в первую очередь определяется его светлым, творческим разумом и стремлением к познанию мира»¹⁶.

В этом разделе особо интересен момент, где составитель уподобляет фигуру учителя образу Господа Бога. Пытаясь умерить гнев учителя за собственное нерадение, ученик обращается к нему со следующими словами: «Помилуй мя и прости мое нерадение» [IV, л. 11 об.]. Тем самым учитель наделяется правом быть проводником божественной силы на земле в деле обучения «святому» пению.

Особенно важно понимание составителями азбук значения самостоятельной работы над усовершенствованием певцом своих навыков. Бог дает лишь возможность научиться пению, одаряя человека соответствующими способностями. Однако их развитие находится в ведении самого певца, и от серьезности его отношения к процессу обучения будет зависеть и результат: «Буди внятень и прилежень къ божию святому пению» [II, л. 36].

Таким образом, музыкально-теоретические представления старообрядцев обнаруживают тесную связь с духовными основами русской православной культуры. Понимание роли пения как одного из средств духовного воспитания человека обусловило приоритет нравственно-воспитательной составляющей теории знаменного распева. Характерной чертой азбук как древнерусского, так и старообрядческого периодов является то, что при рассмотрении компонентов теории, сущности знаменного распева и процесса обучения с точки зрения их религиозно-символического и эстетического наполнения акцент на этическую сторону является одним из основных.

Список источников

- I. 4/71. «Полный самоучитель столпового знамя» 1884 г. – 80 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- II. 1/79-г. Азбука крюковая (без начала). Гектографическое издание конца XIX – начала XX вв. – 67 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- III. 101/86. Азбука знаменного пения и «Вруцелето». Вторая половина XX в. – I + 45 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- IV. Q.I.55. Текущее собрание. Азбука крюковая. Вторая половина XIX в. – 38 л. – Собрание Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск).
- V. Q.III.14. Забайкальское собрание. Азбука крюковая. Начало XX в. – 49 л. – Собрание Отдела редких книг и рукописей Государственной публичной научно-технической библиотеки СО РАН (Новосибирск).
- VI. 43/70. Азбука знаменного пения. Гектографическое издание начала XX в. – 43 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- VII. 22/71. Азбука крюковая. XIX в. – 75 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- VIII. 5/88. Октай и Азбука крюковые (без конца). Начало XX в. – 182 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- IX. 88/86. Азбука знаменного пения. Первая половина XX в. – 44 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- X. 10/85. Азбука и фитник крюковые. Начало XX в. – 44 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).
- XI. 24/73. Ирмологий крюковой (с небольшим фрагментом Азбуки крюковой). 1829 г. – 278+2 л. – Собрание Института истории СО РАН (Новосибирск).

¹⁶ Флоренский П., свящ. Иконостас // Флоренский П., свящ. Избранные труды по искусству. – М., 1996. – С. 52.

Список литературы

1. Селиванов Б.В. Музыкальная эстетика средневековой Руси: Учебное пособие. – Новосибирск, 1988. – 89 с.
2. История русской музыки. В 10 тт. Т. 1: Древняя Русь XI–XVII вв. – М.: Музыка, 1983. – 383 с.
3. Громов М.Н. О своеобразии русской средневековой философии // Философские науки. – 1990. – № 11. – С. 47–53.
4. Емченко Е.П. Стоглав: Исследование и текст. – М.: Индрик, 2000. – 504 с.
5. Домострой Сильвестровского извода. – Киев: Абрис, 1992. – 144 с. – (Репринтное воспроизведение издания 1902 г.).
6. Шахов М.О. Философские аспекты староверия. – М.: Третий Рим, 1998. – 208 с.
7. Никитин В. Русское благочестие и святость (Малая церковь. Настольная книга прихожанина). – М.: Русский мир, 1992. – 256 с.
8. Зеньковский В.В. История русской философии. – Ростов-на-Дону: Феникс, 2004. – 544 с.
9. Шохин К.В. Очерк истории развития эстетической мысли в России (Древнерусская эстетика XI–XVII вв.). – М.: Высшая школа, 1963. – 116 с.
10. Денисова Н.Е. Певческие азбуки старообрядцев Урала XVIII–XX вв.: Автореф. дис. ... канд. искусствоведения. – СПб., 1999. – 33 с.
11. Флоренский П., свящ. Иконостас // Флоренский П., свящ. Избранные труды по искусству. – М.: Изобразительное искусство, 1996. – С. 73–184.

**THE REFLECTION OF CULTURAL REPRESENTATIONS OF OLD BELIEVERS
IN MUSICAL-THEORETICAL MANUALS (THE CASE OF SECTIONS
«PROUTCHKI»)****E.I. PLAVSKAYA***Novosibirsk State
Technical University**e-mail: plav@inbox.ru*

The article is devoted to musical-theoretical manuals of old believe period – to written monuments of traditional Old Russian culture, in which the spiritual bases of Orthodoxy were reflected. The maintenance of sections of musical-theoretical manuals confirms that the musical-theoretical representations of old-believers developed in the way of philosophical-religious, moral and aesthetic imaginations of traditional carriers. So, sections of educational exercises – “proutchki” – show the basic spectrum of cultural representations, characteristic for Old Russian orthodox consciousness.

Key words: traditional Old Russian culture, the spiritual bases of Orthodoxy, music education of Old Believers, musical-theoretical manuals, “proutchki”.